

Как дальше жить будете...?

Когда, год назад, я думал о нападении на Украину 24 февраля, просматривал сайты новостей, мне неожиданно вспомнились некоторые истории из моей жизни. Вот одна из них.

В первые годы после приезда в Германию у меня появилось довольно много знакомых среди немецкого народа.

Большинство из них были клиентами моего туристического агентства.

Среди клиентов были люди незаурядные, хорошо образованные и для меня интересные.

Поскольку мой туристический бизнес имел «целевую направленность», то и клиенты

в той либо иной степени были связаны с Россией, Украиной, Казахстаном и иными

странами, бывшими республиками распавшейся империи.

Зачастую это были смешанные пары: муж был коренной немец, а жена из бывшего

Союза.

Я расскажу об одной из таких семейных пар.

Расскажу историю, которая имеет определённую связь с сегодняшними событиями.

Господин Петер N. был владельцем крупной электротехнической компании, с филиалом в Москве. Такой типичный европеец, каких показывают в кино.

Высокий, стройный и ухоженный. Он был старше меня лет на 10-15. Значит тогда

ему было за шестьдесят.

Жена была симпатичная элегантная дама лет сорока пяти. Бывшая москвичка.

Песенка «Она такая же москвичка, как была...»- это не про неё. Она давно уже имела немецкое гражданство и ко всем этим «перестройкам» и «ускорениям» относилась скептически: «Всё равно у *них* получится «автомат Калашникова». Я с

ней спорил, ибо в «перестройку» верил. Она вежливо улыбалась.

У дамы был свой бизнес. Она занималась организацией технических ярмарок, деловых встреч представителей крупных фирм, техническим переводом.

Эта пара с удивлением обнаружила, что у нас имелись общие темы для разговора,

мы читали одни и те же книги, и нам нравились похожие фильмы. Они достаточно

долго приглашали меня в гости, но я отнекивался. Я так уставал за неделю, что в

субботу и воскресенье предпочитал ездить на велосипеде на озеро или ходить в

Aqualand- просторный водный комплекс с 20 различными саунами, бассейнами, зелёными лужайками и симпатичными девушками.

Но настала осень, пошли дожди, и я решился пойти в гости. Купил бутылку французского красного и цветочки для дамы.

Семейная пара обитала в симпатичном двухэтажном домике явно довоенной постройки, который располагался в престижном районе Кёльна.

Поскольку события происходили в конце 90-х годов, понятие «довоенный» ещё однозначно определяло время происходящего.

Я обратил внимание на обстановку. В больших, просторных комнатах не было дорогих, бросающихся в глаза предметов, не было «антиквариата». Стояла тёмная

деревянная мебель, неуловимо стильная и удобная. Именно такую я хотел бы иметь

в своём доме. Позднее я понял её абсолютно недостижимую стоимость. Но главное,

что привлекало внимание, были картины.

Картин было много. И все они были хороши.

Живопись была, в основном, русская, периода 70-90 годов. Хозяева явно обладали

хорошим вкусом и скупали её в России на протяжении многих лет. На момент моего

посещения стоимость коллекции была достаточно велика.

Некоторых художников я узнавал. Я помнил такие картинки со времён общения с моим московским приятелем, известным ныне художником Франциско Инфанте. Алина с удовольствием рассказывала, как, когда и где она их покупала. Петер молча сопровождал наш осмотр. И лишь когда я поинтересовался, не Эрнсту ли Неизвестному принадлежит небольшая бронзовая скульптурка, улыбнулся и отрицательно покачал головой.

«Leider nein“ – к сожалению нет. «Не случилось»

Среди картин было несколько, которые резко выделялись из общего ряда.

Жёсткая, беспредметная живопись с болезненно яркими цветовыми пятнами, яростными, агрессивными мазками кисти производила угнетающее впечатление.

Когда я остановился у одной из них, Алина быстро за руку потащила меня дальше,

явно не желая ничего объяснять.

«Потом, позже...» пробормотала она.

За аперитивом - холодная водка, оливки, маленькие бутерброды с анчоусами Петер

расспрашивал меня о родителях, где и чему учился. Отдельно о живописи. Что нравится, что и где видел. Сам он знал живопись, а как потом оказалось, и литературу, и музыку очень глубоко. Но еврейской темы избегал.

Когда перешли к обеду спросил у меня разрешения оставить моё французское красное на потом и принёс к рыбе бутылку мозельского.

Сейчас, объездив все районы вдоль «Moselweinstrasse» - так называется дорога вдоль Мозеля и виноградников с лучшими сортами белых вин, я могу более верно

оценить качество, да и стоимость того вина. Петер аккуратно раскупорил бутылку,

внимательно оглядел и понюхал пробку, отставил бутылку в сторону и пошёл в подвал за новой. Вино было удивительное.

После обеда и кофе с коньяком он извинился и ушёл отдыхать.

Алина объяснила, что Петер болен, быстро устаёт, да и вообще избегает длительных

разговоров. И что сегодняшней случай столь долгого общения достаточно удивителен. А я вернулся к теме жутких картин беспредметной живописи, которые

явно выделялись из «русской коллекции».

И вот тут начинается та история, ради которой я написал всё предыдущее.

Петер родился не в богатой, как говорил наш друг Слава, а в очень богатой семье, на

севере Германии, в середине 30-тых годов. Там, в большом семейном загородном

доме, провёл он все военные годы. Отец, офицер Luftwaffe, погиб на Восточном фронте. Семья пыталась по возможности отгородить мальчика от внешнего мира.

Учили его приходящие учителя. Английский и французский, как родной немецкий.

Философия. Физика, математика.

Мальчик, конечно, знал, что была война, что Германия хрен его знает что натворила и

войну проиграла, но особо этим не заморачивался. Ну воевали и воевали. А мама и

дед, которые занимались его воспитанием, этой темы вообще избегали. Об их политических взглядах я ничего не знаю. Не спрашивал.

В начале 50-тых его послали учиться в престижную частную школу в Лондон. В послевоенной Германии система образования ещё не была налажена.

В школе учились обеспеченные мальчики со всей Европы. Франция, Голландия, скандинавские страны.

Прекрасный английский, что было крайне важно, хорошие манеры и умение себя вести позволили юному Петеру довольно легко обзавестись кругом друзей. Высокий и красивый юноша вызывал интерес у девушек. Как-то одна из них, с которой у Петера явно намечались некие романтические отношения, поинтересовалась:

-Слушай, парень, а ты же не в Англии родился. Уж очень хорош и правилен твой английский.

Петер простодушно объяснил, что он немец. Приехал из Германии.
Лицо у барышни вытянулось. Она оставила Петера и подошла к ребятам из общей компании.

Через пару минут один из его уже бывших приятелей подошёл к Петеру:

- Почему ты скрывал, что ты чёртов немец? Он выразился резче.
- Я ничего не скрывал. Да вы и не спрашивали. А какая, собственно, разница?
- Большая, чёртов бош. Убирайся к своему Гитлеру.
- Гитлера уже давно нет.
- А это не имеет значения. Вы все там уроды. Мерзавцы и негодяи. Нелюди.

Чтобы

ноги твоей в школе не было.

Алина замолчала. Достала сигарету и предложила мне.

Ребята пошли к директору и потребовали исключения Петера. Директор объяснил,

что для этого нет никаких юридических оснований. Тогда инициативная группа заявила, что в таком случае они все покинут школу. Назревал скандал.

Воспитанный и интеллигентный Петер пообещал, что он сам добровольно оставит

школу, если ему объяснят, что случилось.

Ребята швырнули в его комнату кучу старых газет и журналов с репортажами о войне. Материалы Нюрнбергского процесса и прочее. Петер читал, смотрел...

На

утро собрал вещи и уехал в Германию. Ему было 16 лет.

Алина молча курила. Я, несколько огорошенный, не выдержал:

-Ну, а картины тут причём?

Алина затушила недокуренную сигарету:

- Я Вам что-то покажу, но, пожалуйста, ни слова Петеру. Встала и повела меня по лестнице вниз.

В подвальном помещении была устроена мастерская. Мольберты, кисти, краски.

На стенах висели, на полу стояли десятки, мне показалось, сотни картин.

Большие и

поменьше, совершенно разные, они казались продолжением одной бесконечной темы и заполняли все стены, всё пространство.

Вокруг меня был УЖАС.

Картины кричали, вопили. Это было изображение Ада, его исчадий, порождение

тёмных, безысходных ночных кошмаров. Ада, в котором пребывали душа и рассудок.

Беспредметная живопись абсолютно точно выражала болезненное, нет, абсолютно

больное, на грани безумия, состояние художника. Смотреть на картины было

невыносимо тяжело, но я не мог оторваться. Они притягивали внимание неким страшным, почти мистическим магнетизмом. Я присел. Алина молча наблюдала за моей реакцией.

На столике стояла початая бутылка водки. Алина налила нам грамм по 50.

Петер вернулся в Германию. Заперся в доме, собрал всё, что смог добыть о войне на немецком, английском, французском и месяц не выходил. Мать ставила под дверь подносы с едой. А потом он стал рисовать.

Потребовалось время, чтобы юноша обрёл некое душевное равновесие.

Закончил

учёбу. Перенял семейную фирму по выпуску сложных электротехнических устройств.

У него не было друзей. Только знакомые. Он работал, много читал, а по ночам, когда

совсем не мог спать, рисовал свои страшные картины.

В начале 80-х появилась возможность открыть филиал в России. Петер ожил, проводил массу времени в Москве. Познакомился с Алиной, она работала переводчицей. Они поженились, переехали в Кёльн, и Петер, уже немолодой человек, начал постепенно отходить. Но и сейчас, время от времени, он пропадает

на пару дней в подвале. Тогда лучше его не трогать.

Ну вот и вся история, которую я хотел Вам рассказать. Всё в ней правда. Она не выдумана.

Я вспомнил её, когда слушал интервью, которое журналист Юрий Дудь брал у писателя Бориса Акунина. Интервью касалось вопросов войны с Украиной.

Чувства сопричастности и ответственности за содеянное.

Акунин рассказывал об изменениях в отношении к российским туристам в Европе и

мире. И не только к туристам, но и к россиянам вообще, как представителям определённого государства.

По этому поводу возникает много вопросов.

Поймут ли люди, населяющие территорию современной России, в кого они превратились?

Даже если лично на танках не ездили и букву «Z» на груди не рисовали.

Почувствуют ли

они Ад, который поселится в их душах? Ведь и для Ада нужно пространство, необходимо наличие души. Обретут ли они эти души, и если обретут, то когда?

Или пространство забито наглухо, и нет уже места там ни для Ада, ни для Рая?

Неужели навеки проклято место сие?

Как же они дальше жить- то будут?

Апрель 2022

Леонид

Каплан